

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-717-725

ИНДИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Интервью с АНДРЕЕМ ГЕННАДЬЕВИЧЕМ ВОЛОДИНЫМ, доктором исторических наук, главным научным сотрудником Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), директором Центра евразийских исследований, профессором Дипломатической академии МИД Российской Федерации

Интервью с профессором А.Г. Володиным, ведущим российским востоковедом, индологом, экспертом в области международных отношений и внешней политики, включает ответы на три группы вопросов: определение места и роли современной Индии в мировой политике и международных отношениях, оценка потенциала и перспектив развития российско-индийских отношений, ситуация в российской индологии, актуальные задачи изучения Индии в России. Давая характеристику внешней политики Индии, особое внимание А.Г. Володин уделяет рассмотрению принципов, которыми руководствуется Дели в процессе принятия внешнеполитических решений и выстраивания отношений с Россией, США и Китаем. Как подчеркивается в интервью, Индия сохраняет огромный интерес к Рос-

сии и готова к активному участию в реализации проектов сотрудничества на пространстве евразийской интеграции. Это является императивом более динамичного развития и вовлеченности в процессы стратегического планирования для отечественной индологии.

Ключевые слова: Индия, российско-индийские отношения, индийско-американские отношения, индология в России.

— **Каковы приоритеты современной внешней политики Индии на страновом уровне и в мире?**

— В связи с распадом монополярного мира, Pax Americana, на международной арене выделяются новые значимые игроки или, если употребить удачный термин Уолта Ростоу¹ «страны критической массы» (powers of critical margins) [Ros-

---

¹ Уолт Уитмен Ростоу — американский экономист и политический мыслитель, профессор Массачусетского технологического института, автор теории стадий экономического роста, советник президента США по национальной безопасности в 1966—1969 гг.

tow 1998], в число которых входит и Индия. Еще в конце 1971 г. президент США Р. Никсон, не без влияния своего советника по национальной безопасности, а в дальнейшем государственного секретаря Г. Киссинджера описал пятицентричную структуру международных политических отношений, которая основывалась на США, СССР, Западной Европе, Японии и Китае. К настоящему времени к этим пяти центрам присоединились с различным успехом еще две страны: Индия и Бразилия. Я бы не стал абсолютизировать внутренние проблемы последней, огромный потенциал которой поможет выбраться ей из текущего кризиса.

Мы видим, что сейчас Индия пытается вести себя не как региональная, а как супер-региональная держава. Другими словами, интересы Дели распространяются на зону бассейна Индийского океана, включая его западную часть — страны Восточной Африки и Западной Азии — и страны Южных морей, включая Юго-Восточную Азию. Это подтверждает и тот факт, что Индия косвенно участвует в противоречиях вокруг Южно-китайского и Восточно-китайского морей.

— На ваш взгляд, какую роль должна сыграть Индия в современной мировой политике?

— Думаю, что стабилизирующую. С начала 2000-х гг. существует формат взаимодействия ИБСА (IBSA — India, Brazil, South Africa). Смыслом существования такого формата является создание некой альтернативы существующей в современном мире моноцентричной системе международных отношений. В рамках этого экспериментального объединения отрабатываются схемы взаимоотношений, которые, как мне кажется, строятся на базе теории «свободной геометрии международных отношений» (*loose geometry of international relations*)². Смысл этой теории сводится к тому, что страны объединяются не по идеологическому принципу, а по интересам, которые могут совпадать в одних вопросах и расходиться в других. Мне кажется, что Индия пытается играть эту роль. При этом следует подчеркнуть одну из важнейших экзистенциальных ценностей для внешней политики Индии, идущую от Джавахарлала Неру, это так называемая стратегическая автономия (*strategic autonomy*) Индии на международной арене. Под этим термином подразумевается неограниченная международная политическая субъектность в системе межгосударственных отношений. Индия не должна тяготеть ни к Соединенным Штатам, ни к России, ни к Китаю, а добиваться достижения своих внешнеполитических целей, используя баланс сил.

— Один из величайших политических успехов Индии после обретения независимости состоял в ревностной защите демократических ценностей. Влияет ли приверженность Индии демократическим ценностям на внешнеполитический курс Дели?

— Вы совершенно верно заметили, что Индия всегда ревностно защищала демократические ценности, потому что демократические ценности не имели альтернативы. Индийское общество слишком сложно организовано и в экономико-

---

² Volodin A. Russia and India in “the loose geometry of world politics”, 2012. URL: https://in.rbth.com/articles/2012/03/26/russia_and_india_in_the_loose_geometry_of_world_politics_15250 (accessed: 28.11.2016).

укладном отношении, и в отношении региональных, этнолингвистических и конфессиональных различий. В этих условиях демократические ценности — это та система, которая наилучшим образом отражает все это многообразие и позволяет Индии формулировать свои задачи как во внутренней, так и во внешней политике.

Что касается периода после окончания холодной войны, то тут есть очень важная особенность индийской политики, заключающаяся в том, что Индия никогда и никому эти ценности не навязывала. Курса наподобие американского «продвижения демократии» (*democracy promotion*) в Индии никогда не было. Однако есть нюансы, связанные с современным состоянием государств Средней Азии, ранее входивших в состав Советского Союза. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. Индия была существенно обеспокоена дезинтеграцией Советского Союза и особенно положением в бывшей советской Средней Азии. Дели считал, что российский, а затем советский колониализм создал в этом регионе систему секулярной государственности и светских элит. Эти политические институты сдерживали распространение идей радикального исламизма. Распад Советского Союза показал, что тревоги Индии оказались небезосновательны. И поэтому перед Дели встала задача защиты демократических ценностей, точнее говоря, светских политических устоев в политических системах Средней Азии.

Смерть президента Узбекистана Ислама Каримова вызвала значительную озабоченность у индийского руководства, связанную с политическим процессом передачи власти. Такие же опасения возникают и касательно будущего политического процесса в Казахстане. Если мы посмотрим на положение дел в Киргизии и Таджикистане, здесь возникает еще больше вопросов. Что делают индийцы, чтобы нивелировать риск дестабилизации региона? Они стараются распространять свои ценности, свое влияние, которое было традиционно сильно в Средней Азии. В советские времена мало какая индийская делегация, приезжавшая по линии межакademического обмена, обходила стороной среднеазиатские республики. Так, например, в Узбекистане открывались кафедры изучения истории и политики Индии, приглашались преподаватели из Индии. Сохранение в Средней Азии секулярной государственности и светского образа жизни — это одно из важных направлений распространения демократических идей Индии.

Если мы говорим о предоставлении международной помощи, то сейчас усилия Дели в первую очередь сосредоточены именно на Средней Азии. Индия была удовлетворена тем, что такие страны — получатели помощи, как Бангладеш и Мьянма, переходили к гражданской форме правления. Также индийцы заинтересованы в том, чтобы в соседнем Непале политический процесс проходил по предсказуемой траектории. Это, пусть, и небольшой ареал индийского влияния, но зато он связан с национальными интересами.

— Индийско-американские отношения насчитывают несколько десятков лет. Не всегда они были теплыми, но после распада СССР в Индии началась переоценка ее отношений с США. В последнее десятилетие стал происходить процесс сближения обеих стран. На ваш взгляд, какие перспективы для Индии имеют эти отношения?

— В годы холодной войны Советский Союз был главным союзником Индии, и когда он столь неорганизованно и хаотично распался, это нанесло удар по южноазиатскому государству и другим нашим партнерам. Дели начинает искать противо-

вес усилившемуся влиянию Китая. В 1990-х гг. начался китайский экономический бум, и Индия понимала, что он может вылиться в политическую активность на международной арене.

Индия сделала ставку на два направления в политике: с одной стороны, это так называемая Look East Policy (сейчас Act East Policy). Суть ее заключается в том, что Индия двинулась на восток, пытаясь решать свои экономические проблемы и уравновесить влияние Китая в странах южных морей. Эта политика возымела определенный успех, особенно успешно развиваются, как мы видим, отношения Индии с Вьетнамом.

Что касается западного направления, в Индии сложилось представление о том, что однополярный мир — это всерьез и надолго. Позиции Российской Федерации значительно ослабли, и угроза со стороны растущего Китая побудила индийскую политическую элиту искать сближения с США. Процесс сближения начался с визита президента Клинтона в Индию. До этого, конечно, были противоречия вокруг индийских военных ядерных испытаний, но постепенно негативный фон ослабел. И сейчас, очевидно, отношения развиваются по нарастающей. Важно обратить внимание на то, что у этих отношений есть динамичные движущие силы. Это, с одной стороны, частный корпоративный сектор Индии, а, с другой стороны, индийская община в США, весьма преуспевающая с точки зрения своего материального положения. Последние уже вросли корнями в США и при этом сохранили прочные связи со своей исторической родиной. Эта политическая сила насчитывает более 3 млн человек, и ни одна американская администрация не будет игнорировать их мнение.

Индийско-американские отношения будут развиваться и в будущем. Но я думаю, что у индийской политической элиты хватит благоразумия, чтобы использовать преимущества модели свободной геометрии отношений, и, с одной стороны, продвигать свои интересы, а с другой — не ставить под вопрос свою стратегическую автономию.

— Индия — давний и надежный партнер России. Российско-индийские отношения имеют долгую и богатую историю. Они никогда не были омрачены войнами или конфликтами. Две страны стремятся к единой цели — созданию многополярного мира. В каких сферах сотрудничество России и Индии развивается сейчас наиболее успешно?

— Действительно, и Россия, и Индия стремятся к созданию многополярного мира. Пожалуй, это их главная объединяющая черта. Их деятельность в этом направлении сейчас координируется на полях различных международных организаций, главным образом в ООН.

Во время визита В.В. Путина в Индию премьер-министр Моди оказал недвусмысленную поддержку усилиям России на международной арене. Это была прагматическая поддержка. Индия, развивая отношения с государствами Западной Азии, не заинтересована в том, чтобы этот регион находился в состоянии постоянной турбулентности, значительная часть поступлений в индийский бюджет поступает в форме денежных переводов от индийцев, работающих преимущественно в странах Залива. Так что Индия заинтересована в стабилизации ситуации в данном регионе и готова сотрудничать по этому направлению с Россией.

По моим сведениям, Индия готова участвовать после окончания конфликта в Сирии в некоторых проектах по ее восстановлению, перечень которых пока не уточняется. И Индия, конечно, заинтересована, по стратегическим соображениям, в сохранении единства и территориальной целостности Сирии.

Что касается наших политических связей, мир сейчас так устроен, что они обязательно должны быть дополнены эффективными внешнеэкономическими связями. И если государственные институты России и Индии отрабатывают задачу по развитию двусторонних отношений на 90—95 % своей мощности, то роль бизнеса, к сожалению, пока практически не видна. Но роль бизнес-сообщества будет заметной в случае государственной институциональной и консультационной поддержки (не только центральной власти, но и региональной на уровне субъектов федерации и штатов). А второй важный момент заключается в том, что объем внешнеторгового сотрудничества может увеличиться, если мы начнем осваивать международный транспортный коридор «Север—Юг». Сперва у индийцев было сдержанное отношение к этой идее, однако начало прокладки пакистанского транспортного коридора с участием Китая резко оживило интерес Дели к этому проекту. Для Индии это выход в желанную Среднюю Азию в обход Пакистана, и это выход в Россию. В том числе ее неевропейскую часть, и это выход в Западную Европу.

Если мы говорим о сферах нашего наиболее успешного сотрудничества, это сотрудничество по линии межгосударственных институтов: в области неклассической атомной энергетики, военно-технического сотрудничества (ВТС), освоения космоса, также начинается сотрудничество в области коммерциализации инновационных решений в материаловедении, энергии малых частиц.

А вот то, что, мне кажется, может быть прорывным в нашем довольно тусклом внешнеэкономическом сотрудничестве — это сотрудничество по типу «регион-регион». С российской стороны в этом очень заинтересованы зауральские регионы. Однако открытым вопросом остается, какими реальными финансовыми ресурсами располагают индийские инвесторы. С точки зрения реализации совместных проектов, также перспективными являются Новосибирская, Тюменская области и регионы Западной Сибири, с которыми уже активно развиваются отношения.

И, конечно, традиционно важным является военно-техническое сотрудничество (ВТС). Например, сейчас свою готовность к сотрудничеству с Индией выразили предприятия Крыма. Тем более, что сейчас Индия испытывает очень большие трудности в военно-техническом сотрудничестве с Украиной.

— Какие крупнейшие российские исследовательские центры, изучающие вопросы, связанные с Индией, вы могли бы выделить? И существует ли между ними «разделение труда»? Есть ли в российском научном сообществе отдельные центры компетенций и/или исследователи, специализирующиеся в сферах политики, экономики, истории, культуры и т.д.?

— В основном это научные центры, связанные с академией наук: Институт востоковедения и его Санкт-Петербургское отделение. Что касается разделения

труда, Москва, хотя и занималась классическим циклом, но всегда делала акцент на написание работ по современной проблематике, Петербург всегда занимался древней и средневековой историей, рукописями. Были индологические группы в Липецке, Екатеринбурге, Иркутске и ряде других городов. В советское время происходила координация по линии всесоюзных индологических конференций. Сейчас в связи с новыми экономическими условиями поддерживать такую деятельность весьма проблематично.

Раньше советско-индийские проекты осуществлялись по линии Академии наук СССР, проекты в области естественных и технических наук курировал лично президент Академии наук Г.И. Марчук³, у которого были очень хорошие связи в Индии. И, по словам индийцев, даже сохранился архив Г.И. Марчука, связанный с наработками в области исследований тория, запасами которого богата Индия. Основы современного сотрудничества в области энергетики, космоса и некоторых других областях во многом закладывались в советские времена в институтах академии наук. Не хочу показаться ретроградом, но, по моему мнению, данная система в том или ином виде должна быть восстановлена с учетом рыночных условий.

Что касается сотрудничества в общественных науках, была советско-индийская комиссия по сотрудничеству в области общественных наук. Долгое время ее председателем с советской стороны был Е.М. Примаков, а ответственным секретарем был Г.Г. Котовский⁴. По результатам работы данной комиссии издавались совместные монографии, а в практическом смысле встречи советских и индийских исследователей помогали интеллектуально насыщать повестку дня советско-индийских переговоров между лидерами государств. Возможно, эта комиссия существует и сейчас, но результатов ее деятельности не видно.

— Что находится в поле зрения современных российских исследователей-индологов? И насколько современная российская индология интегрирована в мировое научное сообщество, и осуществляется ли сейчас обмен опытом и знаниями с зарубежными исследовательскими центрами?

— На мой взгляд, качество современных работ и качество научного дискурса значительно упало. Причиной этого, на мой взгляд, является не чья-то злонамеренность, а просто то, что очень крупные индологи в России и за рубежом либо ушли из жизни, либо отошли от активной деятельности. Им пришли на смену старательные люди, но это исследователи несколько иного масштаба. И поэтому, когда мы рассуждаем о качестве наших научных исследований, мы не можем

---

³ Гурий Иванович Марчук — советский, российский ученый в области вычислительной математики, физики атмосферы, геофизики, профессор, доктор физико-математических наук. Президент Академии наук СССР (1986—1991).

⁴ Григорий Григорьевич Котовский — советский и российский востоковед-индолог, историк и общественный деятель. Автор более 500 научных работ, лауреат международной премии им. Дж. Неру, основатель и руководитель российско-индийской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук. Основной сферой научных интересов Г.Г. Котовского было исследование экономической и социальной истории Индии XIX—XX вв.

не вспомнить Эрика Хобсбаума⁵, который в своей книге «Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991)» назвал это явление «культурной революцией» [Hobsbawm 1994]. Я бы сказал, что нам надо побыстрее пережить эту «культурную революцию» и тогда мы сможем делать что-то серьезное.

Запрос у студентов на нашу специальность есть, тем не менее, среди географических предпочтений Китай, Корея, Ближний Восток, в меньшей степени Юго-Восточная Азия, а Индия в системе приоритетов оттеснена на периферию. Но все развивается волнами, в 1950—1960-е гг. до 80 % заявлений в Институт восточных языков при МГУ имени М.В. Ломоносова (ныне Институт стран Азии и Африки, ИСАА) подавались на специальности, связанные с Индией. В это время интерес к этой стране был огромный. Сейчас приоритеты изменились, но мы должны внимательно следить, когда эти приоритеты будут восстанавливаться.

Индология была в числе одной из наиболее развитых областей общественных наук Советского Союза. Но, к сожалению, и сами общественные науки в нашей стране, на мой взгляд, претерпели значительную деградацию. В восстановлении уровня общественных наук в России без помощи государства не удастся обойтись. Я поддерживаю письмо, которое директор Эрмитажа М.Б. Пиотровский написал президенту В.В. Путину о выделении востоковедения в отдельную сферу общественных наук. Мне кажется, это даст толчок в «верхах» к рассмотрению особого статуса востоковедения не только в системе нашей науки, но и в системе внешней политики.

— Существует ли в России спрос на исследования политических и экономических проблем современной Индии за пределами академических кругов? Заинтересованы ли российские компании, чьи бизнес-интересы связаны с Индией, в консультациях со специалистами-индологами при оценке рисков ведения бизнеса в Индии?

— Да, такой спрос существует. И он будет только возрастать, когда мы столкнемся с интенсификацией кросс-инвестиционных процессов. Если вы инвестируете в другую страну и заинтересованы в долгосрочном проекте, то вам необходим минимальный набор сведений об осваиваемой стране. Здесь экономика должна дать толчок прикладным, а может, и фундаментальным исследованиям. Российские компании, безусловно, заинтересованы в ведении дел в Индии. А там есть существенные риски, о чем свидетельствует случай с компанией «МТС», который значительно повлиял на умонастроения нашего бизнес-сообщества. Но все-таки российский и индийский рынки инвестиций представляются достаточно емкими что, наверное, опять не без помощи государственных институтов может дать заметный импульс развитию. Все-таки планируется к 2025 г. довести объем взаимных инвестиций до 35 млрд долларов США. Цифра невелика, но, если удастся ее достигнуть, то появится запас положительной инерции в развитии наших отношений.

---

⁵ Эрик Хобсбаум — британский историк-марксист, наиболее известный работами о «долгом XIX веке» («Эпоха революций: Европа 1789—1848», «Эпоха капитала: Европа 1848—1875») и «Век империй: Европа 1875—1914») и «коротком XX веке» («Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век 1914—1991»), теоретик и критик национализма.

— **Участвует ли академическое сообщество в выработке российской внешней политики в отношении Индии?**

— Насколько я знаю, этим занимается Дипломатическая академия, Институт востоковедения и МГИМО (У) МИД России. Но, конечно, масштабы этой деятельности несопоставимы с аналогичной работой, которая велась в Советском Союзе.

— **В заключение хотелось бы спросить, каким вы видите будущее российской индологии?**

— Я уже частично ответил на этот вопрос, но я бы еще раз хотел поставить здесь жирное многоточие... Потому что развитие индологии в России будет зависеть от группы политических надстроечных факторов. Если наши отношения в области внешнеэкономических связей действительно наконец-то сдвинутся с мертвой точки, и начнется движение вперед, это сразу создаст запрос со стороны государства и бизнес-сообщества на квалифицированные индологические исследования. Через определенное количество времени эти исследования будут выполняться. И я по своему научному и преподавательскому опыту могу сказать, что сейчас немногие аспиранты хотят заниматься Индией, но те, кто желают, это — «качественные» аспиранты.

И последнее, что я хотел бы сказать, — в советское время ИСАА называли головным востоковедным институтом страны. Я думаю, что сейчас востоковедных вузов нет. И таким вузам, как РУДН, Новосибирский, Тюменский и Иркутский университеты необходимо начать самим развивать свои знания в области индологии. И начать это развитие необходимо с того, чтобы задать самим себе осознанный вопрос: «Что я хочу получить от Индии? Какие знания мне необходимы?»

Я бы хотел специально обратить внимание на развитие экономической географии. Мы должны понимать, что наша индология — это «политический таран» в сфере развития двусторонних отношений между нашими странами. И у нас, помимо прочего, была очень развита экономическая география Индии. Вот такие представления об Индии, которые были в советской экономической географии, у самих индийцев отсутствовали. Так что если будет запрос, и историки, и политологи, и экономгеографы смогут сформулировать достойный ответ.

Беседовал В.В. Шикин

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Hobsbawm E. The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914—1991. Vintage Books, 1994.

Rostow W. The Great Population Spike and After: Reflections on the 21st Century. Oxford University Press, 1998.

Дата поступления статьи: 10.11.2016

Для цитирования: Индия: взгляд из России. Интервью с А.Г. Володиным (ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 717—725.

DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-717-725

INDIA: GLANCE FROM RUSSIA

Interview with ANDREY VOLODIN, D. Sc. (History), Chief Researcher of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences

A. Volodin is also the head of the Center of Eurasian researches at Institute of actual international problems of Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Area of scientific interests: India and the Southern Asia in global politics, globalization, regional security, integration and development in Central Eurasia.

Interview with Dr. Volodin, the leading Russian orientalist specializing in Indian studies and expert in international affairs and foreign policy, covers three issues: India's place and role in modern politics and international affairs, the prospects of Indo-Russian relations, and the current developments in Russian academic studies on India as well as acute goal of studying India by Russian researchers.

Dr. Volodin highlights Indian foreign policy focusing on the principles that Delhi follows in its political decision-making and shaping relations with the United States, China, and Russia. The interviewee believes that India is highly interested in cooperation with Russia and eager to participate in the projects implemented by the nations involved into Eurasian integration. He emphasizes that Indian studies in Russia should contribute more to the state's strategic planning.

Key words: India, Indo-Russian relations, Indo-American relations, Indians Studies in Russia.

REFERENCES

- Hobsbawm, E. (1994). *The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914—1991*. Vintage Books.
- Rostow, W. (1998). *The Great Population Spike and After: Reflections on the 21st Century*. Oxford University Press.

Received: 10.11.2016

For citations: India: Glance from Russia. Interview with doctor A.G. Volodin (E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences). *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), pp. 717—725.